

Исторические науки

УДК 947.084

А.А. Семенов

А.А. Проценко

Семенов Александр Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета (Армавир, ул. Кирова, 127), e-mail: orion156@mail.ru

Проценко Александр Андреевич, бакалавр 2 курса Армавирского механико-технологического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета (Армавир, ул. Кирова, 127), e-mail: sashutaprotsenko1@gmail.com

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 1920-1921 ГГ.: НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПОД ТЕНЬЮ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается процесс национально-государственного строительства в регионе в первые годы по окончании гражданской войны. Авторы анализируют те формы и варианты государственного устройства народов Северного Кавказа, которые им предлагало центральное большевистское правительство и обращают внимание на то, что, несмотря на всю противоречивость и проблематичность данного подхода, политика центра в регионе позволила создать на Северном Кавказе достаточно

развитые формы государственной жизни у тех народов, которые прежде в составе Российской империи не имели своей государственности.

Ключевые слова: Северный Кавказ, государственное устройство, Российская империя, автономные образования, Советская Федерация.

A.A. Semenov

A.A. Protsenko

Semenov Alexander Albertovich, doctor of historical sciences, professor, professor of department of humanity disciplines of the Armavir institute of mechanics and technology (branch) of the Kuban state technological university (127, Kirova st., Armavir), e-mail: orion156@mail.ru

Alexander Andreevich Protsenko, student of bachelor's degree of 2-nd course of the Armavir institute of mechanics and technology (branch) of the Kuban state technological university (127, Kirova st., Armavir), e-mail: sashutaprotsenko1@gmail.com

THE NORTH CAUCASUS IN 1920-1921: NATIONAL-STATE CONSTRUCTION UNDER THE SHADOW OF THE SOVIET FEDERATION

The article deals with the process of national-state construction in the region in the first years after the civil war. The authors analyze the forms and ways of state the peoples of the North Caucasus, which they were proposed by the Central Bolshevik government and drew attention to the fact that, despite the inconsistency and the difficulty of this approach, the policy of the center in the region helped to create in the North Caucasus are sufficiently developed forms of public life in those Nations, which before, in the Russian Empire, had its statehood.

Key words: North Caucasus, state structure, Russian Empire, Autonomous entities, Soviet Federation.

После окончательного разгрома антибольшевистского движения на Северном Кавказе новая власть приступила к масштабной социально-политической реконструкции региона, частью которой должно было стать создание автономных государственных образований в крае, для проживающих здесь горских народов. Их формирование призвано было решить национальные проблемы в регионе в духе новой большевистской политики в национальном вопросе. Однако на этом пути имелись многочисленные сложности, которые мешали проведению в жизнь большевистских планов по переустройству региональной жизни.

Так, в этот период в регионе происходили достаточно острые дискуссии противников и сторонников проекта создания автономной государственности горских народов на Северном Кавказе. Причем и те и другие принадлежали к одному и тому же большевистскому лагерю, поскольку других оппозиционных сил в крае, действующих легально, после окончания здесь гражданского противостояния просто не существовало. Противниками данного проекта являлись, прежде всего, как ни странно, партийные работники и управленческие кадры, присланные в регион из центра, так сказать, на усиление местного партийного и управленческого звена. Хотя они по определению должны были поддерживать курс руководства партии в этом вопросе. На деле же они испытывали значительные сомнения в возможности практического осуществления на Северном Кавказе намеченных планов, учитывая ту объективную ситуацию, которая сложилась в регионе в 1920 году. Сторонниками же реализации данной концепции в основном были местные партийные и политические руководители, большей частью представители горской элиты, которые в силу тех или иных политических соображений на заключительном этапе гражданской войны в крае примкнули к большевистскому лагерю.

Если брать точку зрения противников создания горской государственности на Северном Кавказе, то они широко использовали тот аргумент, что сейчас в регионе присутствует мало подготовленных кадров,

способных возглавить данные национальные образования. В первую очередь они имели в виду то, что у горских народов чрезвычайно мало обученных профессиональных управленцев, которые бы могли возглавить этот процесс и в дальнейшем обеспечивать управляемость этими автономными образованиями. Разумеется, большинство представителей горской элиты были с этим не согласны, и здесь интересы приезжего партийного начальства и местного руководящего состава не совпадали.

Дискуссии о путях государственного строительства на Северном Кавказе происходили некоторое время. На них обращал внимание Г.К. Орджоникидзе. Он сообщал в сентябре 1920 года в Кавбюро ЦК КПСС о том, что во Владикавказе было организовано большое совещание местных партийных работников и управленческих кадров. На нем, в частности, рассматривался вопрос о создании различных форм автономии для горских народов Северного Кавказа. К удивлению прибывших на него московских эмиссаров в ходе этого совещания победила точка зрения, которую представляли собой партийные руководители и работники, присланные на Северный Кавказ из центра. Так, большинство участников этого съезда выступили против образования на Северном Кавказе автономий и каких бы то ни было самостоятельных форм государственной жизни горских народов. Причем была отклонена даже сама идея автономии горцев в рамках Российской Советской Федеративной Республики [1].

Как позже выяснилось, большинство делегатов данного собрания исходило в своей позиции из того, что создание в регионе Северного Кавказа автономных государственных образований горцев приведет, учитывая его пограничное положение и интерес к нему со стороны враждебных держав, к его новой дестабилизации. Кроме этого, они опасались роста сепаратистских настроений в горской среде и того, что местные оппозиционные элементы, выступающие против его советизации в период формирования здесь новых органов власти, вновь обретут почву под ногами, что приведет к тому, что в регионе вновь начнется процесс брожения, появятся антисоветские

настроения и активизируются антисоветские группы. Руководящий состав партийных работников считал, что в конечном итоге процессом государственного строительства в регионе, созданием местных органов власти и самостоятельных республик горцев смогут воспользоваться убежденные противники советской власти. Все это приведет к тому, что контроль партийных центральных органов над краем, и без того шаткий, будет еще более ослаблен, а в нем смогут возобладать антисоветские настроения [2].

Вследствие этого сама идея автономии была отвергнута большинством делегатов, и в результате общего голосования явный перевес был на стороне тех, кто выступал против создания государственности горцев. Лишь четверо делегатов воздержались во время голосования по окончательной резолюции. При этом эмиссары центральных властей в регионе в лице И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирова естественно выступали против такого подхода. Они исходили из установок центра о том, что необходимо в тех или иных формах создать основы государственной национальной жизни на Северном Кавказе. Но им приходилось вести большую разъяснительную работу среди местной элиты, а также населения края, направленную на то, чтобы активизировать процесс национального строительства здесь и придать ему необходимые для центральной власти формы.

По свидетельству Г.К. Орджоникидзе, многие партийные руководители, присланные в то время из центра, подходили к региону Северного Кавказа и народам, проживающим здесь, чуть ли не с колонизаторских позиций. Они видели данный регион лишь как часть крайней периферии российской советской республики. Считалось, что он был не способен к самостоятельной государственной и общественной жизни и должен полностью управляться из центра.

В такой обстановке все трое представителей центральной власти здесь внесли немалый вклад, чтобы в конечном итоге развенчать эти представления партийной элиты, присланной из Москвы и в конечном счете

реализовать проект создания автономии для горских народов этого региона. Именно такая политическая линия соответствовала Ленинскому подходу и подходам большевистского руководства в целом, в процессе формирования основ государственной жизни нерусских народов России и придания им государственной и культурной самостоятельности, а также создание условий для плодотворного их развития в общем союзе равноправных народов советской России.

В конечном итоге вклад этих трех присланных сюда высших руководителей большевистской партии оказался решающим, и им удалось убедить местные власти в необходимости создания Горской и Дагестанской автономных советских республик, что в конечном итоге и было реализовано в регионе. При этом в качестве образца для создания Горской и Дагестанской республик их создание планировалась по типу Башкирской советской республики.

Эти предложения и были направлены командированными в край большевистскими лидерами центральному советскому правительству и центральному комитету большевистской партии, при этом Сергей Миронович Киров вошел в историю как автор первой конституции для горских народов, в частности для Горской Советской республики народов Кавказа. Также планировалось и формирование Терской автономной области. Съезд терских народов был запланирован на 15 ноября 1920 года, т.е. планировалось, что Терская область также станет самостоятельным государственным образованием, которое объединит в себе представителей горских народов и казачества данной области.

Обозначившиеся на съезде противоречия сохранялись некоторое время в регионе Северного Кавказа, пока центральным руководством не было принято окончательное и бесповоротное решение в пользу создания горских автономий и не началось его активное внедрение в региональную политическую среду. Предполагалось, что создаваемые здесь горские республики должны были быть сформированы на принципах

самоуправления, самоорганизации и находились бы в союзе других народов России, освобожденных от «имперского колониализма».

Вместе с тем характер этих будущих автономных советских образований на Северном Кавказе был до конца неясен, не была четко оформлена их структура, не было также ясных и конкретных предложений по характеру их организации и по тем институтам, которые будут сформированы в процессе создания горской государственности. Дискуссии по этим конкретным вопросам вызывали многочисленные трения и противоречия в горской среде, так что И. В. Сталину пришлось улаживать их и выступать в роли арбитра, который должен примирять противоречивые интересы и устремления местных горских элит.

Особую полемику вызывал вопрос о том, какого характера будут эти государственные образования, что будет находиться в их основе и на каких принципах они будут сформированы. И. В. Сталин на все эти вопросы местных руководителей и представителей местной горской элиты отвечал весьма смутно и противоречиво, из его слов часто сложно было понять, какие же цели ставит перед собой в данном случае Советское правительство и к какому варианту, созданию местной государственности оно стремится.

В ответ на все вопросы И. В. Сталин пояснял, что автономии в составе Советской федерации могут быть самые разные: административные, как, например, у чувашей или немцев Поволжья, или политические, как у башкир, киргиз и татар.

Таким образом, он считал, что дело в том, какие конечные цели ставятся при формировании той или иной автономии, насколько будет удобно управление ею и каким целям будет служить предоставления новых прав проживающему в ней народу.

Далее Сталин пояснял, что в данном случае речь идет все же, в большей степени, о политическом варианте, а не чисто административном создании государственного образования.

Центр сознательно создавал Горскую советскую республику и Терскую автономную область в целях предоставления народам, которые здесь проживают, больших политических прав, создания у них государственной, общественной жизни, развития их национального потенциала и формирования местной партийно-политической элиты, которая стала бы частью советской партийной системы.

Это привело бы к разрушению традиционной архаической системы управления и самоорганизации [3], препятствующей модернизации молодого советского государства.

Исходя из этого, вопрос был именно в политической плоскости и находился среди важнейших вопросов политического устройства советской республики в этот период. Хотя, конечно, здесь вопросы политики смешивались с вопросами национального строительства и шли с ними рука об руку. В результате такой политической подход к вопросу формирования национальной государственности на Северном Кавказе породил немало проблем. Конечно, с одной стороны, он предоставил саму возможность организации для горских народов основ их национальной государственной жизни, но с другой стороны он не решил тех проблем, которые уже накопились в этноадминистративной структуре Северного Кавказа, а скорее создал массу новых.

В регионе все решалось триумvirатом присланных из центра сотрудников: Орджоникидзе, Кировым и Сталиным. Не будем также забывать о разногласиях, которые периодически возникали между Лениным и Сталиным по поводу решения национальных проблем молодого советского государства. Здесь нелишне вспомнить, что Сталин выступал адептом централизации национальных окраин и их подчинения центральному правительству, он был сторонником укрупнения регионов и создания такой структуры советской государственности, которая представляла собой единое пространство для управления и администрирования. Напротив, В. И. Ленин исходил, прежде всего, из того, что нужно предоставить народам,

населявшим бывшую Российскую империю, максимальную степень самостоятельности и автономности в рамках советской государственности.

В конечном итоге И. В. Сталин был вынужден принять точку зрения В. И. Ленина и согласиться с ним по ряду вопросов. Эта разница подходов не особенно чувствовалась в центре, где создание государственных образований в Поволжье и других регионах в основном регулировалось самим центральным правительством, и часто курировалась лично В. И. Лениным. На Северном Кавказе же, где практически полностью все возникающие вопросы решал Иосиф Виссарионович Сталин, эта разница в подходах была вполне очевидна, она проявлялась и в процессе государственного строительства в регионе. К тому же В. И. Ленин отстаивал принцип создания автономных образований на основе культурно-исторического единства народов [4]. В то время как Сталин все же видел в качестве главного принципа образования автономий на Северном Кавказе централизацию – установление контроля над данными этническими образованиями, а также оптимизацию управления ими. Хотя сам этот вопрос он решал в политическом ключе, но все же придерживался той точки зрения, что национальные объединения на Северном Кавказе должны в большей степени быть управляемыми из центра. Он считал, что у центрального правительства всегда должна быть возможность напрямую определять вектор их государственного развития. В это же самое время не стоит абсолютизировать эти разногласия между двумя крупнейшими деятелями советского периода в области национальной политики.

Необходимо отметить, что в целом принципы советской автономии были весьма эластичны и многогранны, а большевики не предлагали те или иные варианты государственной, этнической жизни народам России в качестве застывших и неменяющихся констант. Они в полной мере учитывали все потребности времени и процесс государственного строительства в России и, в частности, в регионе Северного Кавказа.

Сам большевистский подход в этом вопросе был весьма гибким и пластичным и позволял оперативно и динамично решать те проблемы, которые возникали в ходе государственного строительства в регионе. Он не был статичным и застывшим раз и навсегда на определенной идеологической догме. Напротив, он представлял собой достаточно творческий процесс образования государственных институтов и становления государственной жизни у народов Северного Кавказа и предполагал изменения характера данного процесса, в зависимости от внешних и внутренних условий [5]. Показательным было и то, что образование, например, Терской области на Северном Кавказе курировавший этот процесс Иосиф Виссарионович Сталин не оформил как некое волеизъявление народов данного края, хотя декрет о его формировании и был принят в январе 1921 года ВЦИКом. Скорее, образование данной области прошло как некое директивное решение центра, направленное на оптимизацию управления этой частью Северного Кавказа.

Не стоит забывать в этот период и о том, что внутренняя борьба Советской России между различными политическими силами и лагерями еще далеко не была закончена, и в этот период еще существовали силы оппозиционные большевистскому правительству. Конечно, после проигрыша в гражданской войне данные силы вынуждены были уйти с пути открытого противостояния, и острые конфликты переместились во внутреннюю жизнь, но, тем не менее, оппозиционные взгляды и неприятие действий Советской власти в этот период сохранялось, и регион Северного Кавказа, конечно, не был исключением из этого правила. Здесь даже в большей степени чувствовалось влияние тех сил, которые выступали против Советской власти и были тесно связаны с белым движением и националистическим сепаратистским подпольем в данном регионе. Исходя из этого, центр должен был всемерно учитывать и этот фактор региональной политической жизни.

Список используемой литературы:

1. *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972. С. 32.
2. Коммунист. 1920. 26 декабря.
3. *Акоева Н.Б.* Трансформация традиционной культуры кубанского и терского казачества в середине XIX – начале XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 11. Пятигорск. 2009. С. 8.
4. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 41. С. 342.
5. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 41. С. 342.